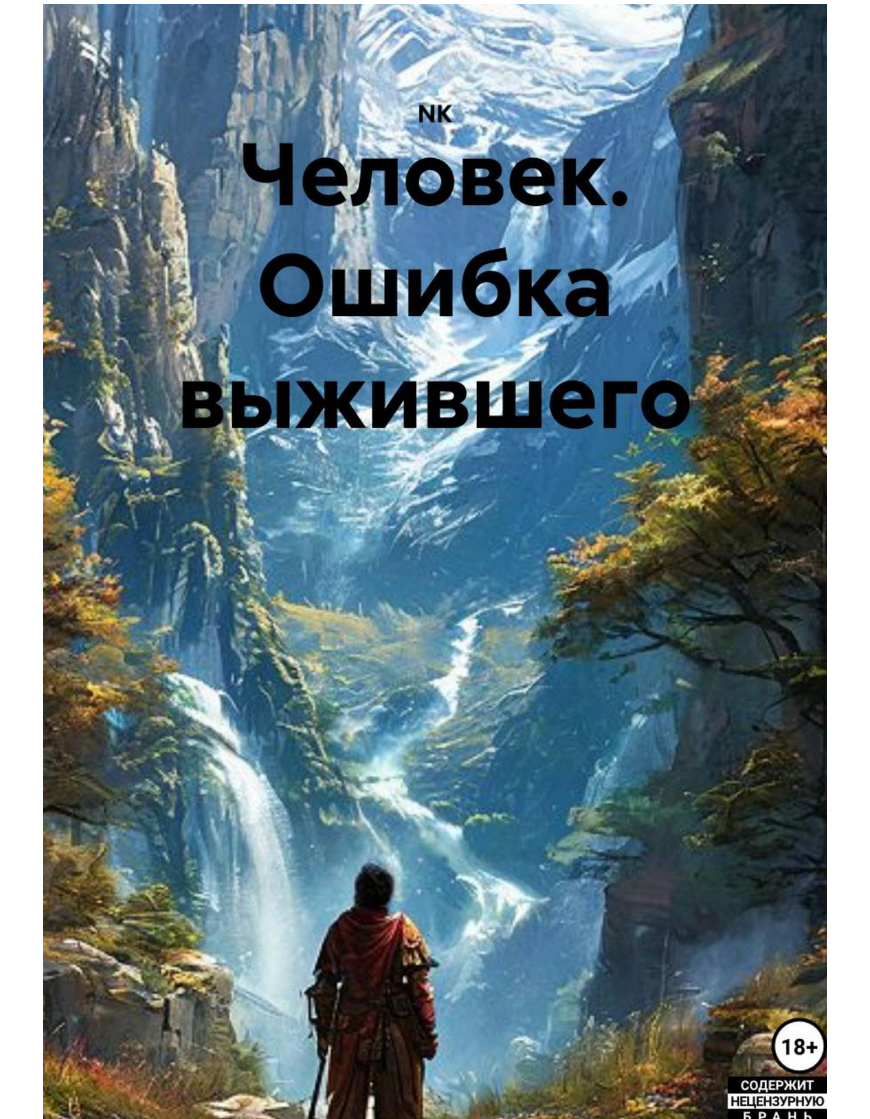

A person wearing a red cloak and carrying a staff or weapon stands in the foreground, looking out over a vast, mountainous landscape. A large waterfall cascades down a steep, rocky cliff on the left side of the image. The mountains are covered in green vegetation and patches of snow or ice. The sky is blue with some clouds. The overall scene is a dramatic, scenic view of a wilderness.

NK

Человек. Ошибка ВЫЖИВШЕГО

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

NK NK

Человек. Ошибка выжившего

<https://litres.ru/74218913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды открыв глаза, я оказался в новом для себя мире и сразу представлял как этот мир станет прекрасной альтернативой прошлому. Но радость продлилась недолго...

Осознав отчаянное положение, я начал пытаться найти знания в этом мире и даже был близок к успеху... Но мир снова отказал мне.

Я не сдавался и пробовал снова и снова, а мир продолжал на каждый мой выпад, генерировать противодействие. Борьба продолжается и мне предстоит ещё многое узнать для себя

NK

**Человек. Ошибка
ВЫЖИВШЕГО**

Глава 0 Книга в канаве

План

В лавке стоял запах пергамента, чернил и воска. Старик-торговец черкал пером какие-то записи, не обращал никакого внимания на оборванного десятилетнего мальчишку в грязных портах. Парнишка замер у тяжёлого дубового стеллажа. Перед его глазами лежал толстый кожаный фолиант с латунными застёжками между свитками и лETERЛО-кингами. Для здешних — очередная вещь аристократа. Для него — единственный чертов учебник по науке нового мира в этой глухомани. Мальчишка глубоко вдохнул, резко схватил книгу и бросился к выходу, опрокинув стойку стоящей подле книги.

— Вор! Держи раба! — взвыл старик, но мальчишка уже вылетел на улицу.

Думается не только от кражи книги, но и испорченного от страха пергамента.

Грязный оборванец лет десяти мчится по узкой рыночной площади, прижимая к рёбрам огромный фолиант. За спиной орут стражники, их обмундирование звенит, как цоканье копыт. Вор резко сворачивает в тупиковый переулок, на секунду замирает и с силой швыряет бесценную книгу в сточную канаву. Через мгновение его сбивают с ног и лицом впечатывают в грязь.

Да, этот мелкий оборванец, которому сейчас сломали па-

ру рёбер — это я.

Когда я очнулся в этом теле и увидел в небе оранжевое солнце, я искренне обрадовался. Думал: надо же, правы были верующие на том свете, загробная жизнь существует, да ещё и в формате новой попытки. Я наивно решил, что попал в сказку, где буду лениво флексить и изучать местное ремесло.

Вот только этот мир оказался даже близко не похож на мой старый, скучный, но свободный мир. И то, что здешние жители называют «магией», испытало моё воображение на прочность. Это было далеко не похоже на реальность, в плохом смысле. Это была сложная, изматывающая и опасная херня, подчиняющаяся жёстким законам мира сего. А сам я очнулся не в замке, а в семье нищих крепостных холопов, можно сказать даже рабов, которые читать-то не умеют и пахнут на помещика до кровавых мозолей. Любой намёк на чудо или заботу здесь разбивался о наковальню суровой реальности.

Пока стражники тащили меня по коридорам тюрьмы, я не проронил ни звука. Они швырнули меня в каменную нору и захлопнули дубовую дверь, не собираясь тратить время на допросы. Для них такие, как я — это просто вещь.

Я размышлял о смерти... ха-ха, даа. Я много о ней мог думать, пока смотрел на поля с утра до заката солнца. Но не убили меня сейчас потому, что я им нужен. Именно я, мои родители и все остальные им нужны! Вот и они не вы-

кидывает ещё рабочую вещь, пока.

К заходу солнца послышался храп, разморённой жарой, стражи. Оставшись в кромешной тьме камеры, я аккуратно выплюнул на ладонь ту самую проволоку, которую прятал под языком, на случай шмона.

Ну что, господа владельцы, сейчас я покажу вам настоящий пользовательский опыт.

...

Глава 1 Запретный рай

Иллюзия

Первое, что я увидел после прихода в себя — это был ослепительный, истинно ангельский свет. Всё вокруг буквально сверкало, переливалось какими-то божественными искрами, и в голове промелькнула блаженная мысль: *«Ну надо же... Правы были верующие. Я в раю. Или в каком-то идеальном, чистом мире»*. Воздух казался лёгким, сознание — кристальным, а в небе, сквозь мягкую дымку, сиял оранжевый карлик. Я почувствовал такое невероятное облегчение после своей прошлой, серой жизни, что едва не расплакался от счастья. Я уже рисовал в голове картины, как буду лениво флексить, изучать парящие замки и кататься на единорогах.

Но... сказка длилась ровно до тех пор, пока мои новые чувства не включились на полную мощность.

Ангельский свет внезапно оказался ослепляющим лучом, прорвавшимся сквозь потолок из гнилых досок. А удушающий зной, от которого пересыхало в горле, пояснял, кто я и что должен делать. Сверкающие искры в воздухе — едкой, вонючей пылью, которая забила мне лёгкие, заставив хрипло и жалко откашляться. А вместо аромата райских садов в нос ударил такой концентрированный, сногсшибательный запах коровьего навоза и тухлой репы, что меня едва не вернуло.

Я было попытался инстинктивно сбежать от сюда, но тело

не двигалось. Я был крошечным, беспомощным младенцем, замотанным в кусок колючей, старой мешковины.

Над моим «люлечным раем» склонилось лицо. По законам грёбаного жанра, который я крутил в голове секунду назад, это должна была быть благородная эльфийка или хотя бы красивая дворянка. Реальность столкнула мою надежду с обрыва. На меня смотрела измождённая женщина со смуглой кожей, странными чертами лица и большим носом. Её вид был похож на обезьяну или даже гориллу, но размером с человека. Огромные ладони и большие мускулы только больше убеждали меня в этом. *Тогда я даже думал о том, что попал во времена палеозоя... Нет, тогда это была бы кайнозойская эра.*

Моя мать что-то прохрипела на не известном языке, пытаясь накормить меня грудью. Я просто подчинился... *Мне нечего стыдится, я был младенцем.*

Пока я насыщался пищей, мне ничего не оставалось, кроме как думать о том, куда я попал. *Лучше бы не знал...*

Уважаемые фантасты, авторы фэнтези и создатели аниме про них — я официально заявляю, что вы все трепло. Никакого фэнтези здесь НЕТ! Я очнулся в теле ребёнка, в семье беспросветно нищих крепостных холопов. Мой новый «отец» — угрюмый, молчаливый мужик с угольно чёрными от работы руками — уходил в поля помещика под палящее оранжевое солнце, а возвращался, когда оно падало за горизонт. Местные сутки длились тридцать два часа, в пересчёте

на земное время и львиную долю этого времени моя семья и такие же рабы вокруг просто вкалывали, чтобы не сдохнуть с голоду. Никто из них не умел читать и не имел никакого образования. Мир вокруг был наполнен не благородством, а подчинением, нищетой и служением помещику.

А здешняя магия... О, это отдельный повод посмеяться над моей наивностью и заодно выказать японцам пару ласковых. Я впервые увидел её в год, когда в нашей избе посреди сырой и холодной ночи погас очаг. Огнива у нас не было — для крепостных холопов приличный кремень с кресалом были непозволительной роскошью. Мать села перед кучей хвороста, вытянула руки, и я, затаив дыхание, снова поймал себя на детской наивности: *«Сейчас будет чудо! Сейчас она щелкнет пальцами, как в аниме, и появится весёлое, дикое пламя!»*

Но никакого лёгкого фокуса не произошло. Мать сосредоточилась, её лицо мгновенно побелело от дикого напряжения, а на висках выступили крупные капли пота. Я ждал мгновенной вспышки. Вместо этого начался медленный, мучительный и сложный на вид процесс. На моих глазах, секунда за секундой, она пыталась силой мысли развести огонь. Я не смог понять как это получилось. Это не было просто, но ощущалось магическим. Это явно было далеко от фантастики современного фольклора, уж слишком тяжело. Прошло минуты три адского напряжения, прежде чем по дереву пробежал первый жалкий дымок, а затем лениво появился кро-

шечный огонёк.

Как только огонь вспыхнул, мать буквально рухнула на землю, с очень усталым видом. Она выглядела так, будто только что в одиночку разгрузила вагон угля или часа два разводила своими силами огонь чистым трением. Её глаза были абсолютно пустыми от ментального истощения. Это был знак, магия здешнего мира абсолютно бесполезная, её неэффективность была поразительных высот.

Тогда мой мозг окончательно сложил два и два. Местная магия не была бесплатной маной из видеоигр, которая восстанавливается от бутылочки с синей жидкостью. Здешнее колдовство требовало такой колоссальной концентрации, кучу тонкостей, что были неизвестны мне. И наверное хорошая порция удачи. Это всё мой мозг не был способен осознать. Никто из местных не знал элементарных законов термодинамики, а значит все их навыки это слепые, эмпирические тесты, раз за разом, в надежде на изменение. Я даже не представлял, что они тратили уйму сил на то, что в моём старом мире решалось копеечным коробком спичек, стоимостью в пару-тройку деревянных.

Я посмотрел на свои крошечные ладони. Лучик надежды на лёгкую жизнь окончательно погас, но вместо него появилось кое-что получше. Полностью трезвый взгляд на мир.

Если я буду играть по правилам этого мира и верить в чудо — я сдохну на этих полях рабом. Чтобы выжить и выбраться из нищеты и рабства, мне нужны были системные

знания. Книги. Те самые, которые рабам запрещено трогать под страхом смерти. И плевать на запреты. Я украду их знания, даже если ради этого мне придётся изучить все законы этой грёбаной вселенной.

Реальность

Шли годы, а моё новое тело медленно, со скрипом приспособлялось к этой реальности. К трём годам я окончательно выучил язык этих жителей, а к пяти превратился в обычного дворового пацана, заморыша в холщовой рубаше, чьей главной обязанностью было не путаться под ногами у вечно уставших взрослых и выполнять мелкую работу по дому: принеси воды, выгребви солому у свиней, перебери гнилую репу. В общем главный по скотине и сортировке репы.

Каждый день я наблюдал за тем, как живёт наша деревня. И каждый день моя психика получала новые удары. Взять хотя бы моё утро.

Оно начиналось до рассвета, до которого оставалось ещё пара часов. Мне сразу нашли работу, не успел я насладиться восходом солнца насыщенно-красного цвета. Представлял себе работу "не бей лежачего", а вышло как обычно. — В том углу лопата, говно перед тобой, к вечеру чтобы его тут не было. Сгребать его в эту кучу. Покормить, каждому в свою миску. Всё просто, не правда ли?

Сказал мой батя. В прошлом я бы решил что старый хрен пытается использовать меня, чтобы самому пивку попивать, но как бы не так. Я вероятно ещё легко отделался, потому что солнце прямо в полдень напекает так сильно, что работать невозможно, но надо.

Но самое сложное оказалась не жара и даже не вонь. Спина затекает так, что к середине работы ты её просто не чувствуешь. Самым сложным оказалось не быть съеденным этими тварями. Только я открыл хлев, как гончие рванули на меня. Как же я замучился там убираться. Самое обидное, я не получаю от такой работы денег, вероятно я вообще, ничего не получаю...

А другие холопы, были ни каплю не счастливее меня, но на их лицах не было злости или усталости. Их мимика ещё сильнее вызывала во мне злость. Инфантильная вера в чудо, которая так бесила меня в моём прошлом мире, здесь была возведена в абсолют. И нет, казалось что никто не против такого. Быть может, это их устраивает?

Девушки-подростки, работающие на прополке до заката под палящими лучами небесного светила. А по вечерам шептались о благородных рыцарях в сияющих доспехах, которые приедут из столицы и заберут их в прекрасные замки. Они всерьёз верили в эти сказки!

Только я один здесь снял розовые очки? Или может проблема во мне?

В течение 5 лет я только и делал, что работал. К сожалению или к счастью, я даже не говорил с родителями. Не я им, не они мне. Скорее это были люди, что следили за моей работой, прямо как надсмотрщики.

Моё детское сердце не могло терпеть и я решил попробовать заговорить с отцом. Я пытался пару раз, когда стал

на пару лет старше, намеркнуть отцу, что если мы будем по-другому распределять свободное время или хотя бы элементарно промывать раны чистой водой, а не заговоренной землёй, то люди перестанут дохнуть как мухи. Отец лишь тяжело посмотрел на меня своим обезьяноподобным лицом и отвесил весомый подзатыльник: — Тебя кто учил так разговаривать?! На то воля магов, хозяина и бога на небесах. Сказано — земля лечит, значит, лечит.

Такой наглости даже мой прошлый отец не позволял.

Он не хотел думать. Ему было проще поверить в несуществующего бога, что даёт дождь, урожай и детей.

Хотя с последним сложно не согласиться.

К десяти годам я понял, что если продолжу молчать и плыть по течению, то повторю судьбу соседа дядьки Тараса, который в тридцать пять лет превратился в дряхлого старика с отказывающими ногами и был просто выброшен помещиком умирать голодной смертью.

Если вспомнить, он вообще странно и сильно отличался от остальной толпы рабов. Пока другие по вечерам молились или валялись на полях, Тарас мог часами молча сидеть на завалинке, глядя на закат солнца таким глубоким, тяжёлым взглядом, будто знал о внутреннем устройстве этого мира что-то такое, до чего остальные никогда не додумаются. Он никогда не лебезил перед надсмотрщиками, но и не лез на рожон. В его движениях, даже когда он уставший шёл с поля, сквозило какое-то скрытое, благородное величие. Ино-

гда мне казалось, что он, как и я, хранит внутри какую-то грандиозную тайну. Тайну, которую я, к своему огромному сожалению, теперь уже никогда не смогу узнать.

Единственным выходом было получить доступ к информации. В этом мире существовала грамота, существовали законы, по которым работало то, что они называли магией. Но все эти знания принадлежали исключительно верхушке. В нашей глуши была всего одна лавка, куда раз в полгода привозили летерлокинги и книги для местного управляющего, одного из зажиточных купцов в этой глуши. Нам, холопам, даже трогать бумагу запрещали, не то, чтобы заглянуть или написать.

Но у меня уже не оставалось выбора. Я вновь хотел обрести надежду.

Последней каплей был очередной нагоняй от злого надсмотрщика, я не выдержал... Я посвятил каждую минуту свободного времени на планирование своего билета в светлое будущее.

Я начал следить за лавкой. Каждый вечер я высматривал, когда торговец теряет бдительность, когда на улице меньше стражи, как устроены замки на стеллажах. Мой план был безумным, самоубийственным для десятилетнего пацана. Если поймают — забьют насмерть прямо на площади. Но сидеть и ждать, пока меня сожрёт эта система, я больше не мог.

Спустя месяцы реального планирования я понял, час на-

стал. Этот душный восемнадцатый час светового дня, когда оранжевое солнце жгло центральную площадь, казался идеальным моментом. Город замер, разморённый жарой. Торговец абсолютно спокойно был занят своими бумагами.

Я глубоко вдохнул, переступил порог лавки и аккуратно потянулся к тяжёлому, кожаному фолианту стоящему между свитками и лETERЛОКИНГАМИ. Моя точка невозврата была пройдена.

Глава 2 Борьба за идею

Фатальная ошибка

Когда засов замка наконец-то щёлкнул, я бесшумной тенью выскользнул в удушливую ночную прохладу, у меня не было времени праздновать победу. Мои рёбра всё ещё ныли после встречи со стражниками, но адреналин от предвкушения глушил боль лучше любого обезбола.

Как же жизнь непредсказуема. Навык, который казался бесполезным, по итогу сыграл решающее значение в этой операции.

Года три назад, когда мне было лет 7, отец доверил мне «почётную» обязанность — стеречь и запира́ть на ночь загон со скотиной. Помещик выдал нам для этого дела старый, ржавый амбарный замок, который, кажется, помнил ещё первых поселенцев этого ужасного места. И всё бы ничего, но буквально через неделю ключ от этого шедевра кузнечного ремесла благополучно утонул в болоте по вине одного богатого козла, что захотел поиздеваться надо мной. Возможно сын какого-то местного помещика, козёл жирный!

Сказать отцу? Это гарантированный деревянный дрын по хребту и статус «недотёпы», который не уследил за имуществом хозяина. А если скотина разбредётся или её украдут соседние холопы — нас бы просто на ремни порезали. Вариантов не было. Мне пришлось досконально, до малейшего заусенца изучить внутреннее устройство этого ржавого ме-

ханизма. Я часами сидел с куском согнутой проволоки, на ощупь изучая поведение сувальды и пружин, пока пальцы не начинали кровоточить. В итоге я так набил руку, что мог открыть этот чёртов замок даже с закрытыми глазами с помощью обычной щепки. Кто же знал, что инженерная дотошность спасёт мою шкуру? Здешние умельцы не баловали разнообразием: замок на двери моей камеры оказался популярным решением и точно такой же примитивный механизм, только чуть больше в размерах и встроенный в дверь моей «норы». Настоящее пустяковое дело для того, кто три года тренировался на свинарниках.

А после побега и успешно добравшись до сточной канавы, я засунул руку в склизкую жижу и вытащил фолиант. Сердце бешено колотилось в груди. Вот он — мой билет в светлое будущее. Мой персональный космический корабль, который унесёт меня из этого навозного рая.

Я бережно вытер грязь с обложки рукавом и не удержался от мысленной усмешки в адрес хозяина лавки. Этот старый недотёпа выставил столь ценный предмет — практически священный грааль знаний — на самый нижний, никем не охраняемый стеллаж прямо у входа! Рядом с какими-то грошовыми бумажками в виде конвертов по технологии среднего века и дешёвыми свитками для купцов. Ну не бестолочь ли? Я не знаю на что был расчёт, может он желал, чтобы его украли прямо перед его носом?

Я скользнул в полуразрушенный сарай на окраине тру-

щоб, где меня точно никто не стал бы искать. Пристроившись у щели в стене, сквозь которую падал блёклый свет мертвенно-белого небесного карлика, я с благоговением открыл первую страницу. Мой взрослый, готовый к великим открытиям мозг инженера замер в предвкушении.

И тут реальность даёт по лицу моей надежде, без жалости.

На плотном пергаменте ровными рядами тянулись... какие-то закорючки, кружочки и уродливые хвостатые иероглифы. Абсолютно незнакомые.

Я тупо моргал, глядя на этот текст, и чувствовал, как внутри разрастается ледяная пустота.

«Господи, какой же я идиот...» — пронеслось в голове.

Я так гордился тем, что в детстве на лету схватывал местную речь и научился без труда говорить на этом языке. Мой мозг автоматически переводил звуки, и я наивно спроецировал это на всё остальное. Мне даже в голову не пришло, что уметь говорить и уметь читать — это, чёрт возьми, две абсолютно разные вещи! Я ведь никогда в глаза не видел здешних письменных знаков, в нашей деревне никто не то что писать — перо или ручку никогда не видел.

Я сидел в темноте, прижимая к себе украденный фолиант, ради которого меня едва не забили до смерти, и беззвучно давил улыбку от собственной глупости. У меня в руках была большая тайна этого мира. И я был для неё абсолютно, беспросветно слеп.

Правда

Фолиант, ради которого я рискнул жизнью и заработал пару треснувших рёбер, оказался бесполезным набором символов. Внутри всё горело от жгучей обиды на самого себя. Какой же идиот...

От отчаяния я листал всю книгу, я хотел верить, что в конце концов я пойму текст, смогу прочитать его. Но моя надежда уже не могла встать после удара реальности.

Каждый мой план не может сработать на 100%, хотя я детально, как всегда, продумываю его. Так было с учёбой, работой и личной жизнью. Я проверил каждую мелочь, был уверен, что хорошая учеба и получение диплома даст мне лучшую жизнь. Но и тут реальность встала стеной закрыв путь дальше. Как будто моей жизнью управлял кто-то... не я.

Я оставил книгу в покое, закрывшись руками и прижав колени к груди. Так я пролежал всю ночь в сарае, пока щель не осветила меня алым рассветом от лучей солнца.

Впервые я просыпаюсь прямо с восходом этого оранжево-красного источника света. Я чувствовал себя отлично, несмотря на то, что спал на голой земле.

Максимально неожиданно для себя, я обнаружил большую мотивацию изучить эту письменность, разгадать секреты фолианта и выйти в этот большой мир.

Я решил, что буду вкалывать, усерднее чем раньше, при-

чём по всем фронтам сразу. Поэтому сразу пошёл вычищать хлев, пока мою пропажу не обнаружили.

Не жалея сил, я изо всех сил раскидывал корм, убирал говно и избегал этих козлов. — Есть все шансы, что от такой работы я либо быстро накачаюсь, либо сдохну быстрее.

Вечером старался приходить на рынок, чтобы запоминать символы и находить такие же в книге. Метод не самый надёжный, но самый простой. Так продолжалось год, после которого меня отправили работать на поля.

Здесь, на полях, как никогда была нужна грубая сила, распахивать землю, убирать песок, подводить воду, под жарой — адский труд. Может показаться, что кормили нас плохо, но всё не так уж дерьмово. Думаю для них важнее иметь одного физически развитого раба, чем толпу слабаков, поэтому едой нас сильно не обделяли. Но её качество и вкус были отвратными. Моё ещё не окрепшее одиннадцатилетнее тело было откровенно обделено силой и выносливостью, несмотря даже на генетическую предрасположенность моей новой расы и год тренировок в хлеве. Местные люди чисто биологически были крупнее, выносливее и плотнее землян — сказывалась адаптация к тяжёлой гравитации и тридцати двух часовому дню. Да и века мой народ жил в рабстве как раз по этим самым причинам, большая сила и выносливость за копейки. Вот уроды!

«Что ж, физика и биология работают везде одинаково», — думал я, волоча неподъёмную корзину с камнями по су-

хой пашне.

Я начал пластичнее использовать каждую возможность для физического развития, от таскания вёдер с водой, до посадки злаков и овощей, напоминавших подобие пшеницы или ржи и кабачки? Без физики тут тоже не обошлось. Правильно распределять нагрузку на позвоночник, следить за дыханием, разбираться в анатомии своего тела. С того дня каждый поднятый валун стал моим снарядом в этом импровизированном «рабском фитнесе». Пришёл я к этому не сразу, так и не могу забыть те дни, что воевал с деревянной лопатой, срывая себе спину. Но спустя 6 лет многому обучаешься и осознаёшь.

Я должен был стать сильнее и выносливее любого надсмотрщика в этом округе. И пока они считали меня своей вещью, мой план с каждым шагом был обречён на успех.

Своё место

Что ж, очень быстро я стал местным мальчишкой, что как будто получает дополнительные порции еды, раз работает настолько усердно на протяжении кучи часов.

Конечно, я не планировал работать на публику, но не заметить мои старания было сложно.

— Эй, дай я понесу, отдохни. — Возьми ещё, я донесу. — Нет, давай я донесу. — Нет, я сам могу.

Я было хотел отобрать, но по хмурому взгляду, передумал. Не потому что я боялся его, а потому что хмурый взгляд принадлежал надсмотрщику.

Тем же вечером я прогуливался на рынке и рассматривал символы, что видел на вывесках. Думал это будет не тривиальная задача, но я поспешил с выводом. Запомнить этот хаос и восстановить точный вид символа было намного труднее, чем ожидалось. Потратить пару вечером не выйдет, хорошо будет если уйдёт пару месяцев.

На этом сложности не заканчивались, а только начинались. Многие техники распределения нагрузки просто не работали. Длина рычагов, строение скелета и мышц совершенно другое, что полностью ломает базовые представления о биомеханике. Я решил отложить полное исследование до момента, как разберусь с книгой.

Спустя месяцы бесполезно потраченного времени, не изу-

чив символов, не улучшил физическую форму, я начинал выгорать. С каждым днём задача казалось всё невыполнимее, каждый раз был похож на разговор в пустоту.

— Я устал...

С этими словами я перестал приходить на рынок, бежать быстрее всех за водой, валуном или посадку культуры. Всё это было второстепенным и как будто моя цель растворилась среди бытовых задач.

По итогу, в очередной вечер после рабочего дня, я настолько устал, что решил найти тихое местечко недалеко от поля. Рядом была только пустыня и в противоположной стороне болото.

— Ну что ж, выбор очевиден.

С этими словами я заселил болото. Теперь это место стало моим новым домом. Преимущества были неоспоримы. Прохладная вода, тень, даже глиняные процедуры можно было делать, которой там было в избытке как оказалось. Было лучшее место, которое можно представить посреди этой жары.

Глава 3 Научный метод

Реверс-инжиниринг

В один из свободных вечеров я сидел недалеко от болота, откуда приятно тянуло прохладой. А глиняная ванна приятно охлаждала ноги. В эти бесконечные, удушливо жаркие тридцать два часа местных суток такое место было настоящим спасением. Тело гудело после целого дня перетаскивания валунов, но мой мозг отказывался отдыхать.

Я крутил в голове мысль: с чего, чёрт возьми, мне начать изучать эти чёртовы символы? Даже если я расшифрую пару знаков, мне нужно где-то фиксировать результаты. Запоминать сотни уродливых закорючек на память — гиблое дело, а за попытку украсть хотя бы клочок пергамента в лавке меня точно добьют на площади. Мне нужно было место, где я смогу записать алфавит местного диалекта, чертить таблицы, ошибаться, стирать и пробовать снова. Безопасно и незаметно.

Ответ оказался гениально прост. Он буквально лежал прямо у меня под ногами. На Земле этот материал использовался веками в древнем Египте и даже древней Греции, а современные люди делали макеты разного масштаба и сложности, даже при наличии компьютеров и 3D графики. Здесь же

глина стала моим персональным многократным блокнотом.

Я выкопал бесформенный кусок, разгладил его широкой деревянной щепкой, превращая в идеальную табличку, и удовлетворённо хмыкнул. Компактно, бесшумно, а главное — если нагрянет надсмотрщик, один сильный шлепок ладонью превратит все мои записи обратно в бесформенный кусок грязи. Никаких улик для системы, считающей меня вещью.

Теперь, когда у меня появился инструмент для записи, началась настоящая инженерная аналитика. Каждую минуту свободного вечера, я работал как живой сканер, когда помогал очередному аристократу за еду носить бешеное количество покупок.

Моя новая обязанность, быть носильщиком для аристократов. С каких-то пор сюда начали приезжать куча богатых людей, вот я и оказался тут. Но я не жалуясь, это выгодно и мне. Я ходил по рынку, якобы помогая, но на самом деле жадно впитывал глазами вывески, торговые клейма и расписки, которые купцы небрежно бросали на прилавки. Метод был чисто эмпирическим: я искал закономерности. Например, если на мешке с зерном, ящике с сушёной рыбой и бочке с прелой репой повторялся один и тот же сложный значок в начале слова — логично предположить, что он означает «еда», «вес» или «провизия». Ну либо «цена»?

Каждый вечер я возвращался к своему прохладному болоту, доставал свежую порцию глины и по памяти, острой

палочкой, бережно переносил туда все зафиксированные за день хвостатые кружочки. Я составлял таблицы соответствий, пытался соединять звуки, которые слышал в разговоре аристократов, с графическими символами на моём импровизированном планшете.

Это был дико медленный, скрипучий процесс, похожий на реверс-инжиниринг чужого, зашифрованного софта. Но с каждым разом символы на глине всё меньше казались мне хаосом. Я медленно, но верно подбирал пароль к этой закрытой системе.

История

Вырисовывая палочкой очередной символ на влажной поверхности, я невольно задумался: а как вообще мой новый народ докатился до такой жизни? Почему люди с такой мощной генетикой — крупные, выносливые, плотные — покорно гнут спины за миску мерзкой похлёбки? Должна же быть во всём этом какая-то историческая логика.

Сам я расспрашивать хозяина или надсмотрщиков, понятное дело, не мог — за такие вопросы быстро и с любовью объяснят зачем, да почему. Поэтому я действовал тоньше. Последние недели, пока мы таскали вёдра у колодца или чистили свинарники, я аккуратно прощупывал почву через местных рабов, которые близко знали покойного дядька Тараса. Старики и мужики, сочувствовавшие его судьбе, за работой иногда развязывали языки.

Из их осторожных, путаных полунамёков и обрывков старых деревенских баек у меня в голове наконец-то начала складываться жуткая картина прошлого.

Никаких точных дат или имён, разумеется, никто не помнил. Старики лишь мычали про какие-то «давние времена», когда наши предки вроде как не гнули спины на полях, а жили вольными племенами где-то далеко на севере, за великими холмами. А потом с юга появились они. Судя по всему какие-то захватчики, может быть маги? Местные верили,

что колдуны призывали гнев богов, потому что наши пошли на них со стрелами и топорами, а в ответ получили сплошную стену всепожирающего пламени. Отрезвляющее столкновение дикарей с технологиями. Выживших, судя по всему, просто согнали в кучу, как скот, и погнали строить первые плантации.

Особенно дико было слушать про «проклятые бумажки». Мужики у колодца с суеверным страхом шептались, что давным-давно господа отобрали у наших прадедов какие-то священные дощечки с рисунками и сожгли их, чтобы «лишить расу силы». Они всерьёз думали, что в бумаге была заперта магия! На самом же деле завоеватели поступили куда практичнее — устроили тотальную зачистку знаний и уничтожили письменность, чтобы у побеждённых не осталось даже намёка на общую память или культуру. Поколение за поколением, без книг и грамоты, люди стремительно дичали. Прошло, может, пара веков, а может, и все пять — и вуаля, идеальная община покорных рабов готова.

Этот исторический экскурс перевернул всё в моей голове. Это был классический пример цивилизационного регресса через монополию на образование. Маги просто вырезали критическое мышление у целой расы.

Смотря на свою глиняную дощечку, я почувствовал, как внутри закипает холодная моральная злость. Значит, они удержали власть с помощью информации? Что ж, тогда я верну эту информацию назад. Шаг за шагом. Символ за сим-

ВОЛОМ.

Ответ

Находясь в небольшой комнатке, с серыми стенами, с письменным столом, чернилами и пером в руке. Сажу в простенькой рубахе перед пергаментом...

"Я надеюсь, что ты это читаешь, мой старый друг. Потому что я хотел бы поблагодарить тебя за тот урок 6 лет назад. Невероятно ценный он оказался. Но ПЯТЬ лет, пять лет карл... Я... Да, я сделал что, хотел, поэтому пишу тебе это письмо. Просто знай, Я. ЭТО. СДЕЛАЛ.

Кстати, как тебе? Наверняка ведь использовал сам. Ну если так подумать, ты ведь как-то прочитаешь письмо, значит всё правильно я думаю.

Ладно, старик, это всё.

Подпись — Кюрей Шеин."

Загадка

В течении следующего года я продолжал путь к своей цели, путь к освобождению из рабства. Поэтому прикладывал все усилия, что мог найти в себе для изучения этого шифра, не понятных и запутанных символов.

Я много наблюдал, изучал, запоминал, делал всё, чтобы как можно быстрее усвоить язык. Казалось бы, это всего лишь символы, что в них такого. Это было первым моим заблуждением, всё оказалось совершенно иначе...

Трудности начались в тот момент, когда я попытался связать накопленные на глине символы в реальные предложения. Одно дело — срисовать угловатый значок, что я увидел на рынке, и совсем другое — понять, что он значит. Мне катастрофически не хватало информации. Купцы на площади орали одни слова, а официальные указы управляющего, что были зачитаны чётко и громко, но конечно же без показа текста.

Каждый вечер я сидел в водичке у болота, ломая голову над своими записями, и пытался выстроить систему каких-то правил языка. Если на горизонте появлялся надсмотрщик, я одним движением ладони превращал результаты недель ментального труда в бесформенное месиво, а утром начинал собирать эту мозаику заново. Да, на это было тяжело решиться, но риск был выше потерь.

Весь этот процесс двигался исключительно благодаря настойчивости и терпению. Я изо дня в день возвращался к болоту, разминал свежую глину и пытался комбинировать чёточки и линии, которые успевал зафиксировать на рынке. Анализ чужого шифра шёл со скрипом, ведь одна неверная черта полностью ломала смысл. Я выстраивал схемы на своих табличках, сопоставлял услышанные обрывки фраз надсмотрщиков и купцов с повторяющимися знаками, проверяя каждую догадку по много раз. Медленно, шаг за шагом, эти математически выверенные структуры начали обретать логику. Система, которой аристократы лишили мой народ, понемногу поддавалась контролю инженера. Так мне казалось...

Глава 4 Тупик

Сложность

Моя иллюзия успеха рассыпалась в прах, когда я попытался применить выстроенную логику на практике. Я был уверен, что математически просчитал систему, разбив линии на суффиксы и корни. Но когда я попробовал мысленно составить из накопленных символов простейшую фразу, не связанную с рыночными ведомостями, структура превратилась в бессмыслицу. Символы, которые идеально работали на мешках зерна, в обычном предложении меняли своё значение до неузнаваемости. Тот гений, который спроектировал эту письменность, заложил в неё двойное дно. Это был не просто алфавит, это был динамический код, где смысл знака зависел от его положения относительно соседних чёточек.

Этот тупик едва не заставил меня опустить руки. Днём я продолжал таскать неподъёмные корзины с камнями, автоматически контролируя дыхание и пытаясь распределить вес по позвоночнику, чтобы не угробить суставы на этой тяжёлой пашне. За прошедшее время я успел набрать хорошую массу благодаря сытному рациону. Я даже успел привыкнуть к вкусу этой еды, ооох.

Вечерами у болота я часами смотрел на чистую глиняную

табличку, боясь сделать первый набросок. Мой старый инженерный метод, основанный на прямолинейной земной логике, здесь буксовал. Я понял, что нужен принципиально иной путь, но какой? Завоеватели защитили свою монополию на информацию куда надёжнее, чем я думал: они создали язык, который раб не сможет расшифровать, даже если выучит все буквы. Мне требовался совершенно новый алгоритм анализа. Пришлось потратить сильно больше рассчитанного времени, затягивая мою бессрочную путёвку на отпуск.

Спустя два года после получения фолианта я исписал кучу глины и успел перетаскать все камни, что мог найти. Теперь корзина таких булыжников казалась чем-то обычным, базовым и пустяковым делом. Надсмотрщики, привыкшие к тому, что я облюбовал болото, как будто даже были не против моего уединения, чему я был только рад. Здесь никто меня не видел, запретов не существовало, а прохлада спасала от жары, которая каким-то образом длилась уже второй год подряд.

Удивительно, но самое важное в этом новом мире, магия, была полностью мной проигнорирована. Я решил испытать свои силы, вдруг всё дело в том, кто сидит за рулём?

Ну кроме моей матери я не имел знакомого мага, так что я решил попросить её обучить и меня. Она, конечно, сначала не хотела, но позже согласилась. Пусть общаемся мы с ней не часто, но родственная связь остаётся.

Насколько я понял, суть магии заключалась в том, чтобы

почувствовать некую субстанцию вокруг себя. Сначала я думал, что речь идёт о воздухе, невидимой мане или прочей подобной штуке, но всё оказалось совершенно иначе. Я даже не ожидал, что у меня есть третья лимфатическая система, которая и переносит нечто похожее на ману или кислород через подобие эритроцитов. Правда что мне с этим делать я не понял. Ну это ладно, главная сложность крылась в другом: я так и не понял, как сознательно потреблять эту взвесь из воздуха, чтобы восполнять запасы. Я знаю, что она есть рядом, но как с ней взаимодействовать — не понимаю.

И это далеко не все проблемы. Зажечь костёр всё так же невероятно трудно было. То есть мои знания были полностью бесполезны в реальности. Вероятно магия здесь реально фуфлю какое-то, по другому я не могу это объяснить.

Анатомия

Ещё я потратил массу времени на детальный разбор собственного организма. В прошлый раз я отложил этот процесс, но сейчас можно вернуться. Раз уж книгу не могу осилить, надо не застаиваться. Я часами изучал структуру мышц, реакцию сухожилий на нагрузки и пределы прочности скелета после изнурительных смен на плантации.

Моё тело разительно отличалось от привычного земного. Раса, к которой я теперь принадлежу, прошла через жёсткий естественный отбор в условиях повышенной гравитации, и это наложило свой отпечаток. Во-первых, плотность костей. Они были тяжелее и прочнее, чем у обычного человека, а суставы защищены дополнительными хрящевыми прослойками. Это был настоящий «промышленный дизайн» для работы с экстремальными весами, позволяющий годами перетаскивать валуны без риска превратить скелет в труху.

Во-вторых — система терморегуляции и капиллярная сеть. Мои сосуды располагались чуть глубже под кожей, чем я привык видеть, а густота капилляров в конечностях была аномально высокой. Это позволяло организму невероятно эффективно избавляться от продуктов распада... в общем не забиваются мышцы, когда у обычного человека вызвали бы судороги уже через час работы. Мои мышцы обладали более высокой плотностью волокон, что делало их «сухими»

и невероятно выносливыми, хотя они и не выглядели как гипертрофированные горы мяса.

Самым интересным открытием стала лимфатическая система. Она была куда более развитой и разветвлённой, буквально оплетая магистральные нервные узлы. Похоже, моя раса была спроектирована как биологический «накопитель» энергии или выносливости, способный переносить нагрузки, которые разорвали бы обычного человека в клочья. Я — модифицированный инструмент. Эти знания стоили мне пары переломов, порезов, вывихов и растяжений.

Да, ещё ведь есть результаты регенерации. Ну что ж, хоть где-то я не идеальный, ибо длиться она невероятно долго. На небольшой порез уходит как минимум около месяца.

Осознание

Спустя ещё два года. Глиняные таблички у болота лежали слоями, как пласты в геологическом разрезе, складываясь в метровые стопки. Я перепробовал всё: фонетическое сопоставление, частотный анализ, попытки найти закономерности в структуре предложений. Ничего не работало. Письменность магов сопротивлялась любому лингвистическому шаблону, как будто я пытался считать двоичный код как десятичный. Я абсолютно не мог понять принцип, мне казалось я отупел просто.

Я был на грани того, чтобы просто разбить всё и смириться, но однажды меня отправили в глубину лесов на заготовку хвороста и охоту. Я был силён, а как же, годы тренировок не прошли зря, но навыков реального боя не было никаких. Впрочем, добыча не требовала мастерства фехтования. Но именно поэтому добыча была поймана только через ловушку благодаря знаниям. Мне довелось изучить мельком теорию узлов в прошлом, которая заинтересовала меня своей странностью и изяществом. После я даже выучил с десятков нетрудных узлов, чтобы иногда кататься на яхте и буксировать бедолаг на автотрассе. Правда больше применения я им не находил, кроме этого дня, где они всё же мне понадобились снова.

На следующий день, глядя на то, как я принялся развя-

зывать свой узел, я замер. Я увидел чёткую структуру знака, что был похож на местные символы. Меня прошибло. Я бросился к своим записям и начал пересматривать глиняные дощечки. Я перестал интерпретировать символы как звуки речи. Я посмотрел на них как на единую линию, которая тянется через весь символ.

Я взял одну из табличек с самыми сложными конструкциями. Раньше я видел там буквы, теперь — линии и точки их пересечения. Каждый знак оказался невероятно похож на систему узлов, что вспоминалась мне из прошлого мира, как будто какой-то безумец построил письменность на узлах, настолько он был сумасшедшим.

Я потратил ещё 6 месяцев, чтобы подтвердить эту догадку. Каждый отрезок линии — это отдельное слово. Их пересечение могло быть разницей, так и сложением. Это был самый сложный структурный анализ, зашифрованный в форму псевдо-узловое письмо.

Когда до меня дошло, что я держу в руках чертёж, а не просто фолиант, холодный пот прошиб меня до костей. Никогда бы в жизни не додумался до этого, этот псих даже по меркам безумцев ненормальный. Это был первый реальный прорыв в моей работе. Мои руки дрожали, когда я стирал очередной пласт глины, чтобы начать перечерчивать всё с нуля, исходя из этой бредовой, но чертовски логичной гипотезы. С этого момента я мог начать узнавать, что написано в этой ценнейшем фолианте.

Глава 5 Точка зрения

Выкуп

Как только я понял алгоритм шифра этих рун или символов, не прошло и недели. Мой мозг всё ещё кипел, пытаюсь перестроить всю базу данных на новые рельсы. Я сидел у себя, обложившись свежими глиняными заготовками, и лихорадочно чертил схемы, когда снаружи раздался тяжёлый, ни разу не деликатный шаг. Надсмотрщики.

Сердце моментально ушло в пятки. Если они увидят эти чертежи, то явно не похвалят. Действовать пришлось на чистом адреналине: я за секунду смял таблички в бесформенное нечто, кинул его в яму от выкопанной глины и попытался прикрыть её чем под руку попадётся. Едва я успел отпрянуть и сесть на лавку, симулируя абсолютное безделье, как дверь с грохотом распахнулась.

Двое конвоиров не стали ничего объяснять. Меня грубо скрутили, заламывая руки, и поволокли прочь. В голове набатом стучал вопрос: «Неужели нашли прежние записи?» От этого страха внутри всё сжалось, и я начал громко возмущаться, требуя объяснить, в чём дело и куда меня тащат. Ответ прилетел незамедлительно — тяжёлый кулак надсмотрщика встретился с моей челюстью. В глазах на секунду потемнело, вкус крови во рту отлично подействовал, как утренняя инструкция по поведению. Я сразу стал более спокойным и молча переставлял ноги, решив лишний раз не нары-

ваться.

Однако привели меня не на плаху и не в пыточную, а к главному шатру управляющего. Но внутри всё выглядело иначе. Там, в окружении роскоши, сидела гостья. И это был не человек.

Она по внешнему виду была словно копия выдуманного образа эльфов — высокая, изящная, с идеальными, словно выточенными из мрамора чертами лица и острыми кончиками ушей, проглядывающими сквозь шелковистые волосы. Её красота завораживала, но взгляд оставался ледяным и оценивающим, как у покупателей на что ходят по рынку. Как оказалось, меня просто выкупили.

Я разглядывал её, пока взгляд не скользнул чуть в сторону, за её спину. И вот тут у меня перехватило дыхание. В тени, среди её личной охраны, стояла до боли знакомая фигура. Тарас. Тот самый Тарас, который, по слухам, должен был давно сгнить. Он был жив, цел и теперь служил этой высокопородной особе. На мгновение наши глаза встретились, но он не подал виду, сохраняя каменное выражение лица.

— Какой ты миленький, теперь ты мой, хи-хи. — Схватив меня за щёки, она была очень довольной.

После этого моё выражение лица замерло. Я ожидал совсем другой реакции. А эта странная особа очень довольно обсуждала последние детали сделки. Выбора мне никто не оставил. Управляющий коротко объявил, что отныне я принадлежу госпоже, и приказал мне немедленно сдать всё, все

вещи, одежду, тарелки, чашки, в общем любые вещи, которые можно иметь, а потом просто ждать.

Хоть мне и было приказано отдать все вещи, но я не могу понять что произошло. Я ожидал всё, но это было за гранью. Чокнутая эльфийка, живой Тарас и выкуп меня. Это как будто иллюзия, может я перегрелся или сильно устал? Я сел всё обдумать.

Спустя несколько минут я понял, что сейчас подумать об этом могу и потом, поэтому я приступил к сбору вещей. Первым, что я сделал, это принялся уничтожать записи. Они не подходят для того, чтобы забрать их. Управился с ними я довольно быстро. И когда пришло время решать, что делать с фолиантом и потайными записями, которые никак нельзя было оставлять или выбрасывать, я замер в нерешительности. Забрать с собой просто некуда, сразу заметят. Оставить — равносильно выкинуть мои годы трудов. Я судорожно соображал, куда деть ценнейший груз. Чтобы успокоится я даже сел около болота, рядом с глиной.

Старый/Новый друг

Как только я встал и обернулся, на меня смотрел, облокотившись о пальму, Тарас. Гляделки друг на друга создали молчаливое напряжение. Я судорожно рассматривал окружение в поисках надсмотрщиков, но вокруг было пусто. В его поведении не было дружеских излишаний, он смотрел на меня спокойно, с долей сухой деловитости. А его покерфейс оставался на месте.

Я не выдержал первым: — Как ты выжил? Я видел, как тебя отправили в свободное плавание. Ты... ты же ходить не мог.

Тарас плавно выпрямился и пошёл в мою сторону, ступая на удивление твёрдо, лишь слегка припадая на левую сторону. — Везение, Кюрей. Чистое везение, — ровно ответил он, присаживаясь на высокий камень, что использовался для письма.

— Страсть к жизни велика, когда за тобой ползёт нечто, что хочет тебя проглотить...

— А к эльфийке этой как попал?

— Полз я так быстро, как умел, там и нарвался на передовой отряд леди Эларии — той самой эльфийки. Эльфы людей не жалуют, но она особенная, ей такое в диковинку, захотела вот вместо старого меня, молодого тебя. Хо-хо, не боись, хуже рабства мало что может быть.

— Я не улавливаю, мне повезло или нет, Тарас?

— Не суетись, тебя в рай не забирают, но до ада далеко, возможно, тебе даже понравится. Будешь должен кстати, иначе жил бы тут и дальше.

Я усмехнулся... ага, вот уж спаситель мой.

— Мы уже куда-то идём? — Спросил я, собирая остатки вещей.

— Нет, у тебя есть около... — Смотрит на какой-то круглый предмет с цепочкой, что достал из кармана. — градусов 10, я думаю. После придёт Элария и вот тогда пойдём.

—Эмм, хорошо...

Это как ответить на вопрос «Зачем?» — «За шкафом». Ладно, сделаю вид, что понял. Господи... Проведя минуту в тишине, я вспомнил, что нужно собираться, поэтому без слов просто продолжил. По ходу сборов, я снова наткнулся на фолиант. Нужно было разобраться как его пронести.

Тарас заметил, как я стою в руках с какой-то книгой, поэтому с осторожностью спрашивает, — сынок, как давно это у тебя?

По телу побежали мурашки, я совсем забыл обо всех мерах безопасности, словно память отшибла напрочь. Взглянув на Тараса, к моему удивлению он был расслаблен, а на его лице не было грозного выражения.

— Нуу... давно...

— ...

Его молчание смутило меня, но его прежний вид не напо-

минал мне опасность, скорее интерес в этой книге. Но позже Тарас всё же сказал, — дай-ка мне...

Я чуть более уверенно сунул ему фолиант, от чего напряжение только возросло.

Как только Тарас взглянул на обложку фолианта, его глаза сразу округлились, а после первой страницы он закатил глаза, не поднимая лица, смотря прямо на меня. — По тебе и не скажешь, что ты уже взрослый, малец.

Я не совсем понимал про что он говорит. Может он понял, что я расшифровываю фолиант? Или имеет в виду что-то другое? Отнимет ли он его у меня?

Сразу после этих мыслей вспомнил, как хотел придумать план, как пронести его. И есть пару вариантов.

— Слушай. А ты не мог бы помочь мне с этим? — Указываю пальцем на фолиант.

— А? С чем? — Оторвался от просмотра Тарас и закрыл фолиант. — Я тебе не...

Перебив, я серьёзно произнёс, — мне надо, чтобы ты пронёс его, сам не смогу, если найдут, я труп.

Тарас спрятал фолиант под свой плащ и уверенно кивнул. — А. Ладно. Но запомни, у тебя времени до вечера максимум. Вот тебе ещё кое-что. *Передаёт кусочек папируса с надписью из того же шифра.*

— Подожди, что? Зачем оно мне?

— Ты это узнаешь, как придёт время.

— Подожди, объясни что это такое!

Тарас резко развернулся и вышел из барака, оставив меня наедине с кусочком папируса, паутины мыслей и до сих пор не выполненной задачи.

Опрометчивость

Я просто продолжил своё дело — собирать вещи. Не обращая внимания на загадки, что он мне передал.

Пока я копошился, ко мне снова пришли. Я уже собрал все вещи, включая одежду и было хотел посмотреть не забыл ли чего, как услышал шаги. Но было уже поздно. Почти сразу были видны три фигуры, одна из которых была эльфийка. Она внимательно осмотрела моё убежище и молча остановила взгляд на мне. Так продолжалось около минуты, она просто пялилась на меня, изредка двигая глазами, а я боялся двигаться, мало ли что.

— Ты это видишь? Он точно здоровый? Он совершенно не двигается, что вы мне продали? — Я не знал, как на это реагировать, а просто ждал конца. — Госпожа, он здоров, просто если ему не говорить что делать, он будет ждать команды. Он умный, команды распознаёт. — Ааа, поняла. Ээ... как его зовут? Она посмотрела на одного из тяжеловесов так, словно пыталась заглянуть ему в душу. — Как тебя зовут?! — тут же рявкнул громила. А я-то думал, после покупки эльфийкой моё имя уже на всю деревню прогремело. — Кюрей, — ответил я без эмоций и спокойным голосом. — Отлично, Кюрейчик, мне долго ждать пока ты выйдешь из этой норы? — Снова бросив тот взгляд, эльфийка спросила — Эй, где одежда? Дай ему её, не голым его же тащить. Точно, я и сам

забыл, что всё это время стою голый перед ней, возможно, настолько привык к этому болоту.

Но это было очень забавно, как эти двое словно пёсики исполняли каждую её команду. Как будто Тарас и правда был прав, что всё может быть не столь плохо. Поэтому я расслабился и начал переодеваться прямо перед ней. Она снова едва могла отвести взгляд в сторону. Я не понимал, что её настолько сильно заставляет пялиться, но спросить не решился. По итогу, как только я надел странный прикид из белой рубахи, какой-то обуви, похожей на лапти с цельной деревянной подошвой, и штанов, которые почти сползли с меня, что постоянно приходилось подтягивать. Надо будет найти ремень или замену ему, хотя бы верёвку какую.

А пока я стоял и думал над этим, эльфийка схватила меня за руку и чуть ли не силой повела к каравану, продолжая тащить меня за собой к какой-то, как мне казалось, случайной карете. Но насколько я понял, случайно она точно не была выбрана, слишком уж сильно внутренний вид был отличный от внешнего.

А потом я окончательно понял, что имел в виду Тарас, спаситель хренов. Это был вот ни дать ни взять, пиздец. Её рот не прекращал уничтожать меня на протяжении всей поездки, которая длилась пару часов до первой остановки. Я никогда в жизни не делал настолько увлечённый вид, слушая как маленький ребёнок рассказывает что он делал и что он видел. Я сильно пожалел, что Тарас мне помог, лучше бы я

сидел в болоте!

Но как мы остановились, выйдя наружу, я увидел толи восход, толи закат, поэтому я решил отправиться на поиски Тараса, чтобы найти его и забрать фолиант, потому что мои штаны-шаровары имели отличную возможность скрыть его хотя бы немного. Да и лучше места я не придумал, а он мне нужен. И только обыскав весь караван и не найдя Тараса, я наконец понял.

Фолианта нет.

Моих записей нет.

Это заставило без сомнений направиться к эльфийке и прямо у неё спросить, где Тарас. В панике я забыл подумать, что это эльфийка, думал сейчас меня скрутят и заставят слушать её месяц, но ответ был другой.

Она всего лишь сказала, что он отправился на восток.

На восток.

Я впал в ступор. Причём тут восток? Но как только отвёл голову, ответ я понял сразу. Мы движемся на гребаный запад!

Вот тут-то я и понял, в какой жопе оказался, без фолианта, записей, друзей. Это полное отчаяние оказалось лучшим средством от болтовни эльфийки. Весь оставшийся путь я просто перестал её слышать.